

УДК 341/321 (574/3)

В.В.Козина, С.В.Елеуханова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Повседневная жизнь населения Центрального Казахстана в первые послевоенные годы

В статье исследована повседневная жизнь населения Центрального Казахстана в первые послевоенные годы. Показана роль Трудовой армии, комплектование которой осуществлялось по линии НКВД из гражданского населения, спецпереселенцев, представителей депортированных народов, военнопленных и интернированных. Авторами проанализированы условия труда, жилищно-бытовые и санитарно-эпидемиологические условия, продовольственное снабжение и общественное питание названных категорий населения. Большое внимание уделено системе трудового использования, организации режима, условиям содержания военнопленных и заключенных Карлага, а также вопросам социального положения работников воензированной охраны лагерей (ВОХР).

Ключевые слова: Советский Союз, Центральный Казахстан, послевоенные годы, депортированные народы, повседневная жизнь, история повседневности, население, жизнь населения, спецпереселенцы, заключенные, Карлаг.

В настоящее время большой научный интерес вызывает тематика, отражающая повседневную жизнь людей в советский период, особенно Центрального Казахстана как региона с огромными сырьевыми запасами, ставшего одним из ключевых звеньев в решении стратегических задач Советского Союза.

Авторы настоящей статьи в предыдущих номерах «Вестника» уже знакомили читателей с этим аспектом социального развития Центрально-Казахстанского региона в 1930-гг. и годы Великой Отечественной войны. Теперь вниманию читателей предлагается научный анализ повседневности жителей региона в первые послевоенные годы.

Как известно, население Центрального Казахстана в 30-е годы XX в. состояло из трех категорий: вольных граждан, спецпереселенцев и заключенных Карлага. Тогда же в регионе сложилась отработанная система принудительного труда, была сформирована так называемая Трудовая армия, комплектование которой осуществлялось по линии НКВД. В экстремальных условиях Великой Отечественной войны практике использования принудительного труда отводилась первостепенная роль. Трудовая армия, комплектовавшаяся из спецпереселенцев, представителей депортированных народов и гражданского населения в довоенный период, пополнилась в годы войны военнопленными и интернированными. И хотя правовое положение категорий населения было неодинаковым, повседневная жизнь сглаживала эти различия, часто делая правовой статус формальным.

После окончания Великой Отечественной войны был принят новый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг., основным направлением которого являлось восстановление хозяйства районов, опустошенных войной, с акцентом на форсирование роста тяжелой промышленности. По существу, это был возврат к предвоенным схемам развития экономики и линии на индустриализацию. В этой связи в Центральном Казахстане были не только сохранены, а приобрели еще более радикальный характер методы милитаризации труда. В регионе продолжала функционировать система Карлага, пополнявшаяся новыми массами «врагов народа», многочисленными переселенческими поселками. С обитателями поселков Советская власть и после войны не собиралась це-

ремонтиться. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. было объявлено, что их переселение проведено навечно, без права возврата к прежним местам жительства, и установлена уголовная ответственность за побег. Это же положение о спецпереселенцах подтверждалось приказом министра госбезопасности СССР № 00776 от 24 октября 1951 г., который гласил: «Объявить под расписку спецпереселенцам... что они в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г. оставлены на спецпоселение навечно» [1;124,125].

Необходимо отметить, что по масштабам наличия спецконтингента Казахстан в конце войны и первые послевоенные годы занимал лидирующее положение в стране. Так, из доклада о работе отдела спецпоселений НКВД СССР за период с марта 1944 по январь 1946 гг. следует, что по территории СССР спецпереселенцы распределились следующим образом: Казахская ССР — 866 300 чел.; Узбекская ССР — 181 800 чел.; Киргизская ССР — 112 400 чел.; Красноярский край — 125 600 чел.; Алтайский край — 85 800 чел.; Кемеровская область — 97 200 чел.; Томская область — 92 400 чел.; Свердловская область — 89 200 чел.; Молотовская область — 84 300 чел. [2;361]. Наличие населения этой категории в Казахской ССР превышало их количество в Узбекской ССР в 4,8 раза, Киргизской ССР — в 7,7, Красноярском крае — в 6,9, Алтайском — в 10,1, Кемеровской области — в 8,9, Томской — в 9,4, Свердловской — 9,7, Молотовской — в 10,3 раза.

Значительная доля в системе организации принудительного труда принадлежала военнопленным и интернированным. Всего в 1947–1948 гг. в Спасском лагере № 99 насчитывалось 24 отделения. Репатриация из этого лагеря началась в 1949 г., в соответствии с постановлением Совмина СССР № 1263–519 сс. от 18 июня 1946 г., согласно которому репатриации на родину подлежали «больные и нетрудоспособные военные немцы» и представители других западных национальностей [3;134–137]. Процесс репатриации продлился год. К лету 1950 г. лагерь был ликвидирован, а его отделения были переданы образовавшемуся в 1949 г. Песчаному лагерю НКВД СССР. С 1948 г. на базе Джекказганского лагеря № 39 был образован Степлаг МВД СССР, труд заключенных которого использовался на строительстве комбината и города.

Широкое распространение принудительного труда в регионе объяснялось еще и тем, что в целом Карагандинский индустриальный район был одним из самых непривлекательных в стране для жизни и работы. Тяжелые жилищно-бытовые и культурные условия жизни населения региона, отягощенные резко континентальным климатом и удаленностью от индустриальных и культурных центров страны, были тому причиной. Строительство жилого фонда здесь отставало от общего роста производительных сил, повсеместно ощущался острый недостаток в жилой площади, крайне необходимой для размещения кадровых и вновь прибывающих рабочих. Жилой фонд предприятий «Карагандауголь» всего на 34,1 % состоял из капитальных зданий, остальные 65,9 % — каркасно-щитовые, саманные здания временного типа и землянки, многие из которых были построены в 1930–1933 гг. и находились почти в разрушенном состоянии. Порой на 1 человека, проживающего в квартире или общежитии треста «Карагандауголь», приходилось 2,9 кв.м. Не лучшим образом были обеспечены жильем и рабочие других предприятий Карагандинской области. Так, по тресту «Карагандажилстрой» рабочие-одиночки были размещены в типовых общежитиях комнатной системы, где на каждого проживающего приходилось всего 4,1 кв.м. Из 20 общежитий ФЗО радиофицированы были 10, а к остальным линия не проведена. Семейные рабочие размещались в палатках, каркасно-засыпных бараках и в землянках (по 2–3 семьи в одной комнате). Капитальные дома были построены в основном в 1933–35 гг. на подработках шахт и часто непригодны для жилья. Землянки, которые были построены в 1941 г., под жилье использовались лишь частично из-за непрерывного поступления подпочвенных вод. Уголь и воду в жилища, как правило, люди доставляли сами на себе [4; 61, 62].

После отмены карточной системы, с переходом к широкой, развернутой торговле, продовольственное снабжение и общественное питание долгое время не могли полностью обеспечить нужды трудящихся. В магазинах были очереди, товар часто отпускался из-под прилавка, в рабочих столовых отсутствовали элементарные санитарно-гигиенические условия.

Служба быта была организована на низком уровне. Пошивочных и сапожных мастерских было недостаточно, а имеющиеся не были обеспечены необходимым, как для пошива одежды, так и для ремонта обуви, вследствие чего заказы выполнялись преимущественно из принесенных заказчиком материалов и поэтому не удовлетворяли потребности населения.

Не хватало детских садов, яслей, школ. В городских поселениях на всю область в 1948 г. действовало 49 детских садов и яслей со среднегодовым посещением 3182 ребенка; на селе — 13 яслей, которые могли принять 365 детей. Имелся 1 детский дом со 141 ребенком (в т.ч. от матерей-одиночек

— 65, сирот — 21, подкидышей — 55, из них детей до 1 года — 77). Многие детские учреждения были размещены в аварийных зданиях, не отвечающих никаким санитарным нормам, без всяких удобств. Единственный детский сад треста «Карагандашахтострой» на 60 детей, организованный в военное время, не был должным образом оборудован [5; 291–290].

Несмотря на сложности послевоенного времени, не ослабевал трудовой энтузиазм трудящихся, многие предприятия выполняли и перевыполняли годовые задания. Так, Джезказганские рудники план 1947 г. перевыполнили по всем показателям, в частности, по добыче руды на 107,9 %, по горно-проходческим работам на 110,5 %, снизили себестоимость руды по сравнению с планом на 129 % [6; 114–116]. Немало рабочих завоевывали первенство в социалистическом соревновании и значительно перевыполняли нормы. В тресте «Карагандажилстрой», например, таких рабочих насчитывалось 378, из которых 16 человек выполнили 5-летние нормы. За достигнутые высокие трудовые показатели в 1948 г. были награждены значком отличника 9 человек, почетными грамотами — 23, похвальными листами 53 человека. Всего по тресту участвовали в социалистическом соревновании 1 498 человек, из которых выполнили взятые на себя обязательства 618 [7; 288–289].

Однако труд далеко не всех категорий населения в эти годы был оценен по достоинству. Например, лица немецкой национальности не могли быть награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а впоследствии — медалями, посвященными юбилеям Победы. Предстоит еще много сделать для объективной оценки вклада спецконтингента в Победу и его роли в восстановлении народного хозяйства в послевоенные годы. Официальная статистика замалчивала численность рабочих, находившихся в ведении НКВД и выполняющих самую тяжелую физическую работу на строительстве и эксплуатации промышленных объектов и в сельском хозяйстве. Эта категория людей официального документа о призыве на трудовую повинность не имела. Режиму было невыгодно объективно оценивать труд лиц, которых он в этот период поставил вне общества. Лишь перед уходом СССР с исторической арены государство формально уравнило трудармейцев с участниками войны.

В 1991 г. немцы, мобилизованные в рабочие колонны, были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Историческая справедливость должна быть восстановлена по отношению ко всем народам, жившим на территории Казахстана в эти годы и внесшим своим трудом вклад в достижение Победы, а впоследствии и в восстановление разрушенной войной страны. Первый съезд трудармейцев Казахстана, состоявшийся 25 марта 1995 г., стал первым официальным признанием заслуг трудармейцев времен войны.

Характеризуя состояние мест лишения свободы в первые послевоенные годы, ряд учёных справедливо отмечают, что на сеть этих учреждений оказывали влияние такие уголовно-правовые акты, как Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», «Об усилении охраны личной собственности граждан», «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» и другие нормативные акты, которые предусматривали суровые меры наказания в виде лишения свободы до 25 лет. Применение в судебной практике этих нормативных актов приводило к перегрузке мест лишения свободы и сосредоточению в них большого числа заключённых.

На 1 января 1947 г. в Карлаге содержались 57265 человек, из них по уголовным статьям — 31056, по 58 статье — 26209 человек [249, л. 88]. В лагере находились заключенные разных национальностей: русские — 23325 человек, украинцы — 11288, казахи — 2811, немцы — 2581, литовцы — 1472, поляки — 1351, эстонцы — 1147, корейцы — 197, греки — 141, японцы — 174, китайцы — 113, румыны — 88, турки — 51, иранцы — 40, монголы — 15. Иностранцами подданными были 887 человек, среди них 159 — из Германии, 81 — Японии, 74 — Румынии, 10 — Болгарии, 1 — из Франции, 325 — из Венгрии, 45 — Польши, 28 — Китая, 2 — Турции, 6 — Греции, 15 — Ирана и 131 человек из других стран. В указанный год в Карлаге содержались 4574 человека, осужденных на каторжные работы, из них 4229 мужчин и 345 женщин. Национальный состав каторжан: русских — 1001 человек, украинцев — 2872, белорусов — 321, грузин — 3, армян — 4, казахов — 4, туркменов — 2, татар — 24, узбеков — 3, таджиков — 3, башкир — 1, мордвинов — 80, финнов и карелов — 10, латышей — 26, эстонцев — 27, евреев — 8, прочих — 34 заключенных; 109 заключенных были представителями иностранных государств [8; 117–120].

Содержание заключённых и их трудовое использование определялись «Инструкцией по режиму содержания заключённых в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД», утверждённой приказом МВД СССР № 0190 1947 г. Так, в Карлаге устанавливались строгий, усиленный и общий ре-

жимы отбывания наказания. Строгий режим содержания был у осуждённых за бандитизм, вооружённый разбой, умышленное убийство, побеги из мест заключения и у неисправимых уголовников-рецидивистов. Они находились под усиленной охраной и надзором, использовались преимущественно на тяжёлых работах, к ним применялись наиболее строгие меры наказания за злостный отказ от работы и нарушения лагерного режима. Заключённые, осуждённые за грабежи и другие опасные преступления, воры-рецидивисты содержались в условиях усиленного режима. Они использовались главным образом на общих работах и также не подлежали расконвоированию. Все остальные заключённые в исправительно-трудовых лагерях содержались в условиях общего режима. Разрешалось их расконвоировать, использовать на низовой административно-хозяйственной работе, в аппарате лагерных подразделений, а также привлекать к постовой и конвойной службе по охране заключённых.

Отмена смертной казни в 1947 г. существенным образом повлияла на осложнение обстановки в местах лишения свободы. В справках, отчётах, докладных записках сотрудников военизированной охраны Карлага отмечалось, что из прибывших по этапам из Украины, России заключённых 1948 г. подавляющее большинство составляли уголовно-бандитствующие элементы, которые разлагали дисциплину, способствовали росту числа отказов от работы. К группе «злостных отказчиков от работы» относились такие категории уголовников, как неоднократно осуждённые за бандитизм, умышленные убийства и особенно воры-рецидивисты. Воровской беспредел, тайно и явно поощряемый лагерной администрацией, проявлялся в кровавых расправах уголовников с неугодными лицами, среди которых в первую очередь числились «враги народа», а также попадали нередко и представители администрации. Так, в 1948 г. в Карлаге были совершены 51 убийство, 1288 случаев хулиганских действий, были зафиксированы 1013 фактов сожительства, 218 случаев связи с местным населением, 16160 случаев отказа от работы. Значительное количество бандитских проявлений допускалось в Караджарском, Сарептском, Джартаасском и Топарском лагерных отделениях. К междоусобицам среди бандитских и воровских группировок добавлялись побеги с нападением на охрану и её разоружением. Только за первое полугодие 1948 г. в лагере произошло 12 групповых побегов, в том числе один вооружённый, повлекший гибель двух работников военизированной охраны. Побег совершали в основном уголовники из отдалённых лагерных подразделений, с целью уклонения от общих работ [9; 17].

Нарушение важнейших принципов классификации осуждённых, совместное содержание впервые осуждённых с неоднократно судимыми, допускавшееся в Карлаге, привело к тому, что вместо исправления и перевоспитания новички и менее испорченные в нравственном отношении заключённые попадали под разлагающее влияние рецидивистов. Во многих случаях политические заключённые находились вместе с уголовниками. Неудовлетворительная организация режимно-оперативной и воспитательной работы в ряде ИТЛ, отсутствие сдерживающего фактора в виде высшей меры наказания заставили руководство ГУЛАГа искать выход из создавшегося положения. Начавшаяся дифференциация контингента способствовала разрядке напряженной обстановки в лагерях. В феврале 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об организации лагерей и тюрем для содержания особо опасных категорий преступников». МВД СССР, в свою очередь, приняло решение по организации особых тюрем, предназначенных для содержания шпионов, диверсантов, националистов, белоэмигрантов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, участников других антисоветских организаций, групп и лиц, представляющих опасность для государства. Содержание иных категорий заключённых в этих тюрьмах исключалось.

Лагерем «особого режима» в системе Карлага считался Спасский лагерь. В августе 1946 г. в директиве МВД СССР «О порядке отбывания срока наказания военнопленных, осужденных советским судом» указано: «Всех военнопленных, осужденных военным трибуналом к каторжным работам по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР, независимо от их физического состояния направлять в Карлаг МВД». На основании этого документа в Спасском лагере содержались 246 осужденных советским трибуналом военнопленных разных национальностей: немцев — 236 чел., австралийцев — 5, румын — по одному, голландцев, итальянцев, евреев германского подданства, чехов — по одному. В этом лагере сформировалась четко продуманная система использования труда военнопленных. Первым способом повышения трудового энтузиазма заключенных являлось дифференцированное питание. Исходя из категории трудоспособности, выполнения и невыполнения норм выработки военнопленным устанавливались различные виды производственных пайков: для занятых на тяжелых работах, ослабленных, дистрофиков, госпитализированных офицеров и рядового состава. На «полный котел» могли рассчитывать лишь те, кто выполнял или перевыполнял трудовую норму. Занятые на тяжелых физических работах, независимо от выполнения нормы

выработки, получали основную норму довольствия с надбавкой 25 % всех продуктов питания, кроме хлеба. При выполнении ими норм выработки к указанному довольствию дополнительно давали горячие завтраки и хлеб. Все привлекаемые к работе военнопленные и интернированные получали заработную плату по тем же расценкам и нормам, что и советские граждане, занятые в аналогичной отрасли. Оплата труда военнопленных на основании распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР от 13 июня 1945 г. приравнивалась к зарплате рабочих [10; 30].

Вторым фактором повышения производительности труда являлась четкая организация режима, условий содержания и производственной дисциплины военнопленных. Лагерный контингент был разбит на отдельные производственные единицы — батальоны, роты, взводы и отделения, которые формировались, как правило, из представителей одной национальности. Совместное трудоустройство интернированных и военнопленных не разрешалось. Батальоны состояли из трех-четырех рот. Численность военнопленных роты устанавливалась в зависимости от количества проживающих в бараке людей. Взвод насчитывал до 50 человек, а отделение — 10. Отделения комплектовались по принципу производственной бригады и являлись низовыми производственными подразделениями. На должность командиров отделений, взводов, рот и батальонов назначались военнопленные из числа проверенных офицеров и унтер-офицеров. Для них была установлена гарантированная оплата, которая увеличивалась при выполнении военнопленными норм выработки. Командиры рот по совместительству являлись и командирами барачных. Все распоряжения лагерной администрации доводились до командиров батальонов, рот, взводов и отделений. Они, в свою очередь, требовали от военнопленных четкого их выполнения, принимали рапорты о проделанной работе. В своей деятельности командиры производственных подразделений руководствовались правами и обязанностями, установленными администрацией лагеря. Они обязаны были докладывать администрации лагеря обо всех нарушениях дисциплины военнопленными. Злостно уклонявшихся от работы и дезорганизаторов производства предавали суду военного трибунала; небрежно относившихся к работе, не выполнявших установленных норм выработки оставляли сверхурочно отрабатывать до двух часов сверх обычного времени, применяли аресты с содержанием на гауптвахте, переводили на срок до трех месяцев в штрафные подразделения с особо тяжелым режимом работы и лишением дополнительного питания. В Спасском лагере военнопленных отделением особого режима было отделение № 3, обслуживавшее шахту имени Костенко. Здесь содержались злостные нарушители лагерного режима, а также участники карательных акций над советскими гражданами, совершенных во время войны на территории СССР.

Методом стимуляции производственной инициативы было премиальное вознаграждение за хорошую работу, которое 1 июля 1945 г. составляло от 50 до 200 рублей в месяц выполнявшим и перевыполнявшим нормы выработки и от 125 до 500 рублей — высококвалифицированным специалистам, бригадирам, командирам отделений, рот, батальонов. Эффективным способом повышения трудовой отдачи стало производственное соревнование. В каждом лагерном отделении имела «Доска почета», на которую заносились фамилии лучших рабочих, те, в свою очередь, получали дополнительное питание, обмундирование, почтовые открытки. Важным стимулирующим фактором выполнения и перевыполнения норм выработки являлось первоочередное включение отличников производства в число репатрируемых.

НКВД СССР 29 сентября 1945 г. утвердил «Положение о трудовом использовании военнопленных», которое регулировало как трудовое использование, так и режим содержания военнопленных. В соответствии с этим приказом контингент, размещавшийся в лагерях ГУВПИ НКВД СССР, делился по четырем категориям: «А» — военнопленные армии противника; «Б» — интернированные — арестованные, т.е. представители гражданского населения, которые по каким-то признакам представляли опасность для новой власти, устанавливаемой на освобожденной советскими войсками территории; «В» — граждане СССР — военнослужащие, попавшие в германский плен, гражданские лица, вывезенные на территорию Германии, «власовцы» и т.д.; «Г» — трудоспособные граждане, интернированные с территории Юго-Восточной Европы и мобилизованные в рабочие батальоны для восстановления народного хозяйства СССР.

Режим и условия содержания военнопленных не соответствовали гуманным нормам. Обращение с пленными со стороны определенной части персонала лагеря № 99, как свидетельствуют документы, было суровым. Спецконтингент не был избавлен от разного рода противоправных действий. Систематический характер носили оскорбления пленных, изъятие у них часов, драгоценностей, обмундирования. Были случаи рукоприкладства. Так, дежурный комендант лагерного отделения № 2 не толь-

ко грубо и нагло обращался с военнопленными, но и избивал их. В том же отделении был вскрыт факт избиения двух японских военнопленных за побег из лагеря. Работники предприятий, где использовался труд пленных, применяли к ним методы физического воздействия. Борясь с подобными проявлениями жестокости, в марте 1946 г. руководством Спасского лагеря была издана специальная директива, в которой подчеркивалось, что «не могут быть терпимы даже единичные случаи рукоприкладства в отношении военнопленных». В приказах ГУПВИ отмечалось, что подобное самоуправство является государственным преступлением. Характерно, что сотрудников МВД беспокоило то, что «участники избиений наносят государству материальный и политический ущерб, выводя из строя рабочую силу и давая повод реакционным элементам в зарубежных странах для самой наглой и беззастенчивой лжи на Советский Союз». Имели место факты, когда пленные работали у своих начальников в качестве домашней прислуги. Так, в справке «О состоянии охраны и режима содержания военнопленных» от 12 июня 1946 г. отмечалось, что «военнопленные используются сотрудниками лагеря по обслуживанию личных нужд. Пленный немец Франц трудится в качестве «домработницы» у начальника лагерного отделения № 3: варит обед, колет дрова, моет полы». Подчеркнем, что во всех этих случаях производилось расследование и следовало наказание виновных. С сотрудниками лагеря, включая полк охраны, проводились беседы, с помощью которых их настраивали на соответствующее поведение в отношении пленных. Принципиально важные решения по вопросам содержания военнопленных, их материального и медико-санитарного обеспечения доводились до должностных лиц и военнопленных как непосредственно, так и через ведомственные нормативные акты. Длительное содержание в плену без ясной перспективы на скорейшее возвращение домой, тяжелые условия труда и быта вызывали различные формы протеста военнопленных — невыполнение заданий, антисоветские и антикоммунистические высказывания, побег.

В целом охрана и режим, условия содержания военнопленных Спасского лагеря были организованы на основе международных конвенций и «Положения о военнопленных» от 1 июля 1941 г., а также соответствующих постановлений правительства и ведомственных нормативных актов. Советское правительство, несмотря на сложности военного и послевоенного времени, проводило политику, направленную на создание нормальных условий жизни в лагерях УПВИ-ГУПВИ. В отличие от советских военнопленных в нацистских лагерях бывшие солдаты и офицеры вражеских армий имели гарантированное питание, санитарно-медицинское обеспечение и оплату за выполняемую работу. Сопоставление экономического и правового положения различных категорий спецконтингента советских ИТЛ позволяет говорить о том, что военнопленные были среди них относительно привилегированной группой. Их питание было лучше, уровень благоустройства быта — намного выше, а лагерный режим — либеральнее. Труд военнопленных Спасского лагеря использовался практически во всех отраслях народного хозяйства: жилищном строительстве, промышленном производстве, автотрожном, железнодорожном транспорте. Наиболее значительный контингент пленных был задействован в угольной промышленности. Изучение документов и материалов по истории пребывания военнопленных в Спасском лагере дает основание высказать мнение, что режим содержания иностранных граждан в плену в целом соответствовал общепринятым нормам международного гуманитарного права.

Работники военизированной охраны Карагандинского лагеря (ВОХР) по своему социально-правовому положению были приравнены к лицам, несущим действительную военную службу. Правовой статус ВОХР определялся секретными инструкциями ОГПУ-НКВД-МВД, т.е. изначально находился за рамками публичного права. Правовое положение охранников определялось их воинскими должностями, обязанности и порядок исполнения которых регламентировались законодательными актами, воинскими уставами и другими нормативными документами.

В послевоенные годы не были пущены на самотек также вопросы социальной защищенности военизированной охраны лагерей. Рядовому и сержантскому составу предоставлялись льготы, установленные постановлениями СНК СССР от 14 сентября 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 октября 1945 г., от 30 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 апреля 1946 г., от 29 апреля 1949 г., от 30 апреля 1951 г., от 3 января 1952 г. Так, законодательством предусматривалось освобождение служащих охраны от подоходного налога, льготное исчисление выслуги лет в период службы в ИТЛ. Впервые было зафиксировано право получения жилплощади из общего фонда местных органов власти, решались вопросы сохранения жилплощади и найма жилых помещений, расширялись льготы семьям охранников. Вместе с тем закреплённые льготы из-за недостаточного финансирования со стороны правительства действовали не в полном объёме. И все же даже рядовые охранники лагерей

имели объём материальных благ, значительно превышающий средний по стране уровень потребления. Система Главспецторга обслуживала семьи личного состава ВОХР не только продуктами, но и промышленными товарами. К их услугам были курортное лечение, дома отдыха, санатории, спецполиклиники, о чём простые советские граждане не смели и мечтать. Из-за постоянного притока новых кадров единственным нерешённым оставался квартирный вопрос [11; 18].

Таким образом, в первые послевоенные годы шёл процесс формирования не только социально-экономических, но и правовых привилегий для военизированной охраны. Степень их реализации зависела от множества факторов: экономических возможностей государства, методов комплектования войск, наличия и объёмов специальных фондов и финансовых ресурсов ГУЛАГа. Безусловно, материальное благополучие работников исправительно-трудовых лагерей и колоний напрямую зависело от труда заключённых. Однако об этом никто никогда не вспоминал и не говорил. Сотни тысяч людей, подчинённых системе ГУЛАГа, — охранники, начальники, политработники, обслуживающий хозяйственный персонал не считали зазорным жить за счёт повседневной эксплуатации сограждан, превращённых в рабочий скот. Лагерная служба помогала обрести социальную значимость и не последнее место в обществе людей. Часто в лагерях работали малограмотные, с крайне низкими моральными качествами люди, которые не имели шансов на успех ни в каких других сферах деятельности. Их социальный статус всецело зависел от крепости существующего режима, именно поэтому кадры ГУЛАГа были одной из важнейших опор тоталитаризма [12; 18].

Итак, бытовые и жилищные условия населения Центрально-Казахстанского региона в первые послевоенные годы оставались неблагоприятными. По-прежнему все производственные и продовольственные задачи призвана была решать Трудовая армия, комплектование которой осуществлялось по линии НКВД из спецпереселенцев, представителей депортированных народов, военнопленных и интернированных. И хотя правовое положение этих категорий было неодинаковым, повседневная жизнь сглаживала эти различия, часто делая правовой статус формальным. На особом положении находился личный состав военизированной охраны лагерей. В связи с широкомасштабной экономической деятельностью Карлага несколько улучшилось финансирование, обеспечение вещевым имуществом и предметами питания ВОХР, больше стало уделяться внимания также их медицинскому и культурному обслуживанию.

Список литературы

- 1 Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М.: Наука, 1993. — 180 с.
- 2 Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. — Алматы: Арыс, Казахстан, 1998. — 319 с.
- 3 *Михеева Л.В.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане: 40-е годы // Отан тарихи. — 2000. — № 3–4. — С. 134–137.
- 4 ГАКО. — Ф. 596. — ОП.1. — Д.26. — С. 61, 62.
- 5 ГАКО. — Ф. 596. — ОП. 1. — Д.30. — С. 290–291.
- 6 ГАКО. — Ф. 596. — ОП. 1/6. — Д.399. — С. 114–116.
- 7 ГАКО. — Ф. 596. — ОП. 1. — Д.30. — С. 290–291.
- 8 Архив ПС и СУ. — Ф.16. — Оп.7. — Д.6.
- 9 Архив ПС и СУ. — Ф.16. — Оп.62. — Д.567.
- 10 *Шарков А.В.* Архипелаг ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Белоруссии. 1944–1951 гг. — Минск: Тесей, 2003. — 263 с.
- 11 Архив ПС и СУ. — Ф.16. — Оп.3. — Д.33.
- 12 *Иванова Г.М.* Апогей и крах сталинизма. ГУЛАГ: государство в государстве. — М.: Наука, 1997. — С. 511.

В.В.Козина, С.В.Елеуханова

Орталық Қазақстандағы соғыстан кейінгі халықтың күнделікті өмірі

Мақалада Орталық Қазақстандағы соғыстан кейінгі бірінші жартысындағы халықтың күнделікті қал-ахуалы, өмірі жайлы баяндалған. Еңбекші әскердегі еңбеккер, азаматтық тұрғындар ішінен (ІХК) қатарына іріктеу, жер аудару, қуғынға ұшыраған халықтардың өкілі, әскери тұтқын және азаматтық тұтқындарды бейтараптандыру туралы айтылған. Авторлар аталмыш халықтың келісілген еңбекті, тұрмыстық және санитарлық-эпидемиялық жағдайларды, азық-түлік пен қоғамдық тамақтандыруды саралады. Еңбек жүйесінің орындалуына соғыс және Қарлағ тұтқындарын асырауға жағдай жасалуы, сонымен қатар әскери күзет лагерьлерінің әлеуметтік жұмыскерлеріне байланысты сұрақтарына үлкен көңіл бөлінді.

V.V.Kozina, S.V.Eleuhanova

Daily life in central Kazakhstan after the war

In article is told about everyday life of the population Central Kazakhstan at the first post-war years: about worker of the Work army composition which was realized on lines NKVD from civil population, special migrant representatives deportatcal folk, captives of the war and interned. The Authors analyses the condition of the labour, housing-home and sanitary condition, food provision and public feeding given category of the population. Big attention is spared system of the labour use, organizations of the mode, condition of the contents captives of war and concluded Karagandinsk camp, well as questions of the social position workman military a guard of the camps.

ӘОЖ 94(47)

Б.Қыздарбеков

*Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті***«Славян» және «Русь» терминдері жөнінде**

Мақалада «Славян» және «Русь» терминдерінің мағынасы жан-жақты қаралды. Славяндар мен орыстар бір халық емес, екеуі екі түрлі халық екендігі анықталды. Автор «Русьтің» (орыстың) гот (герман) тайпаларына жататынын және олардың, кеңес тарихшыларының басым көпшілігі айтатындай, Балтық жағалауындағы нормандар (варягтар) емес, Солтүстік Қара теңіз жағалауындағы, 370 жылы ғұндардан жеңіліп, сол жерде қалып қойған Германарих патшалығының қалдықтары — гот тайпалары деген жорамалды қостайтынын жазды. «Славянин» терминін көпшілік орыс-кеңес тарихшылары «слава», «славные дела» ұғымынан шығаратынын, сондай-ақ түркі тілдес хазарлардың, аварлардың, Еділ булгарларының және орыстардың (рустардың) славяндарды Византияға және Араб Халифатына құлдыққа сататынын, олардың «әскери олжа», «тірі тауар» ретінде кірістің қайнар бұлағы болғандықтан, кейбір ғалымдар «славян» терминін «слейв» (латынша) – «құл», «кіріптар» ұғымынан шығаратынын әңгіме етеді.

Кілтті сөздер: славяндар, шығыс славяндар, «славян» термині, славян тайпалары, веден, склавин, словендер, ант, Русь, Орыс қағанаты.

Славян тайпаларының көне дәуірде «венед» деп аталып, кейін «склавин» және «ант» деп аталғанын мамандар біледі. Тарихшылар өз еңбектерінде «склавиндерді» ешбір түсіндірусіз «славян» деп атай береді. Гот тарихшысы Йордан венед, склавин және ант деген тайпаларды суреттегені белгілі [1].

VI ғ. аяғы – VII ғ. басында өмір сүрген император Маврикий мен Прокопий Кесарийский (VI ғ.) де «склавин және ант» деп өмір қалпы, салт-дәстүрлі, әдет-ғұрпы ұқсас тайпаларды атапты. Мәселен, император Маврикийдің «склавин» деген сөзін кейінгі уақыттағы өмір сүрген тарихшылар өз еркінше «славян» деп атап кеткені байқалады [2].

«Славян» деген терминнің шығуы төңірегінде талас баршылық деп айтуға болады.